

Анна Антонова

СОН ЦАРЕВИЧА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Ответственный редактор *Екатерина Дмитриева*

Иллюстрация на обложке *Катерины Килянц*

Дизайн обложки *Екатерины Петровой*

Антонова, Анна Евгеньевна.

А72 Сон Царевича : роман / Анна Антонова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181760-2

Он не признавался даже самому себе, что ему нравится репетитор по английскому. Странная девушка будоражила воображение, но когда он это понял, было уже слишком поздно...

Она с трудом пришла в себя после тяжелой неприятной истории, случившейся в прошлом, и предпочла замкнуться в собственном мире. Общалась только с учениками, стараясь держаться отстраненно. Но когда один из них внезапно исчез, забеспокоилась, что парень попал в беду. Не отдавая себе отчета, зачем это делает, она решила отправиться на поиски...

«Перед ним во мгле печальной гроб качается хрустальный» — старая сказка. Новая гораздо страшнее...

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Антонова А., 2023

© Оформление.

ISBN 978-5-04-181760-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Опять он опаздывает. Почему этот парень всегда опаздывает? Вечно его приходится ждать. А у нее, между прочим, график смещается, приходится комкать занятие, чтобы уложиться в запланированное время, нервничать, что придет следующий, а она не успеет закончить с этим.

Она терпеть не могла, когда ученики пересекались, особенно если они сталкивались в прихожей. Там и так тесно, а становилось просто невыносимо находиться. Она и не находилась — предпочитала оставаться в комнате и оттуда наблюдать, как один быстро одевается и торопливо удаляется, радуясь, что наконец отмучился, а другой, наоборот, медленно раздевается, надеясь таким образом немного сократить время урока. Странные — неужели не знают, какие деньги платят их родители?

Резко зазвонил домофон, она вздрогнула от неожиданности и тут же разозлилась на себя:

чего пугаться, если ждет его уже добрых десять минут? Пока он поднимется и разденется, пройдет еще как минимум пять, и занятие сократится на целых пятнадцать. Что скажут его родители — потребуют сделать перерасчет? Впрочем, откуда они узнают? Только если сам пожалуется, а она была уверена, что он этого не сделает.

Лязгнул лифт на ее этаже, и она, спохватившись, бросилась отпирать дверь, успокаивая тем самым свою совесть: хоть несколько мгновений, да сэкономит для этого балбеса. По тамбуру уже бухали шаги. Дверь распахнулась, буквально вылетев у нее из рук, и на пороге нарисовался он.

— Здравсьте, Вера Пална. Сорри за опоздание.

— Добрый день, — в тон отозвалась она и только потом удивилась: — Как вы меня называли?

Она всегда обращалась к ученикам на «вы» независимо от возраста. Это их дисциплинировало, а ей помогало держать дистанцию. Правда, с ним получалось хуже всего.

— Ой, еще раз сорри, — нисколько не смутился парень. — Нам по литре «Что делать?» задавали, и вы мне ну очень главную героиню напомнили.

— Спасибо, — усмехнулась она. — Так изысканно меня еще никто не оскорблял. И что вы там читали — краткое содержание? Ни за что не поверю, будто сам роман Чернышевского.

— Какое же это оскорбление? Наоборот. А Чернышевского я и правда не читал. Но и по пересказу все понял...

Он пристроил куртку на крючок за капюшон — вешалка, как всегда, оторвана — и потянул за шиворот безразмерную толстовку.

— Не стоит, — остановила она. — У меня прохладно.

— А я, пока бежал, запарился, — просто-душно признался он. — Прямо чувствовал, как вы меня ждете...

Она только вздохнула. Терпеть не могла, когда подростки раздевались в ее квартире, но куда деваться? Вечно после них потом проветривать надо. Прибегают после своих уроков, физкультуры, тренировок, танцев, прогулок, еще невесть чего, а ей приходится все это терпеть.

В подобные моменты у нее возникало иррациональное желание вернуться в школу. Хотя и там сейчас все изменилось, стало совсем не так, как во времена ее детства и последующей недолгой работы — теперь скорее ученик или родители могли сделать учителю замечание, а не наоборот. Но там хотя бы не было необходимости сидеть с оболтусами за одним столом. Она и дома старалась обеспечить дистанцию: усаживала учеников не рядом с собой, а напротив, по другую сторону стола. Понадобилось даже кое-какую перестановку сделать в ее крошечной квартирке, но оно того стоило.

У этого ученика, правда, все в порядке и с одеждой, и с внешним видом. Умеет пользоваться дезодорантом? Даже носки целые и выглядят чистыми.

— Тапочки наденьте, — спохватилась она.

Всегда держала наготове гостевые — специально купила для учеников целую упаковку разных размеров, но никто никогда не соглашался.

— Да я так, — отказался парень и, не дожидаясь приглашения, потопал в комнату.

Впрочем, какое приглашение, если от урока прошло уже добрых двадцать минут.

— Что у нас там сегодня, неправильные глаголы? — поинтересовался он, усевшись на привычное место за столом.

— Какие еще глаголы?

Очень захотелось назвать его по фамилии, чтобы прозвучало построже, но она почему-то ее не помнила. А ведь заключала договор с родителями. Может, фамилии не совпадали, поэтому и в памяти не отложилось?

— Неправильные, — с ухмылкой уточнил он.

— Сегодня у нас по плану — условные предложения, — строго проговорила она.

Он картинно закатил глаза:

— О нет! Давайте что-нибудь другое!

— Неправильные глаголы?

— Да хотя бы их.

— Тогда возвращайтесь в пятый класс, — невозмутимо сообщила она. — А если вы гото-

витесь к ЕГЭ, будьте добры открыть учебник на странице...

Она заставила себя сконцентрироваться на теме урока и почти успокоилась. Нельзя нервничать, когда имеешь дело с согласованием времен в условных предложениях. Как в том бородатом анекдоте про преподавателя: «Вот студенты тупые! Первый раз объясняю — не понимают. Второй — не понимают. Третий раз объясняю — уже сам понял...»

Он слушал внимательно, но по лицу трудно было догадаться, доходит ли до него этот по-настоящему трудный материал.

— Елисей, вам понятно? — наконец спросила она, устав гадать.

Диковинное имя удалось выговорить почти без запинки. А ведь поначалу сбивалась, произнося его вслух. Казалось бы, столько лет работая с детьми, пора привыкнуть к любым именам в диапазоне от Гордея до Августины, но почему-то именно это казалось ей самым чудным и вычурным. Как бедный парень с ним живет?

Парень, впрочем, вовсе не выглядел бедным.

— Сорри, Виолетта Петровна, башка сегодня че-то ваще не варит, — признался он.

— Зачем же мы столько времени потратили? — не выдержав, взвилась она, даже не отреагировав на «Виолетту Петровну».

— Говорил же — давайте неправильные глаголы.

— Записывайте домашнее задание, — заявила она.

— Ну, Виктория Платоновна! — взмолился он.

— Согласование времен в условных предложениях, — продиктовала она непрерываемым тоном, пропустив мимо ушей очередную вариацию ее имени и отчества.

— А может, все-таки неправильные глаголы?

— Если не будет выполнено, позвоню родителям, — устав пререкаться, пригрозила она.

Он поднял руки:

— Ладно, вы выиграли.

Она взглянула на часы: странно, но время еще не вышло. Как ей удалось уложиться в срок с настолько сложной темой? Неудивительно, что он не понял, в каком времени использовать его любимые неправильные глаголы. Теперь придется разбираться самостоятельно... Ничего страшного. Напряжет мозги с пользой, а не только для того, чтобы выдумать, как позаконвыристее к ней обратиться.

Почему она не пресекла это сразу? Зачем терпит, выслушивает всех этих «Виолетт» и даже иногда откликается? Могла бы тоже звать его Евсеем, Елизаром, Емельяном или как-нибудь еще... Сколько, оказывается, она знает удивительных имен! Впрочем, до фантазии некоторых родителей ей все равно далеко.

Парень одевался в прихожей, а она стояла в проеме, наблюдая за этим, казалось бы, совершенно обыденным делом. Худой, угловатый, гораздо выше ее и с трудом тут помещается — а все равно совсем еще ребенок. Елисей... Как же его фамилия?

Чуть было не спросила, но в последний момент удержалась. Что он тогда подумает: училка окончательно с катушек съехала? Или как они выражаются... Волей-неволей она была в курсе подросткового жаргона, но сейчас подходящего выражения припомнить не могла. Не уточнять же, в самом деле.

— Ладно, пошел я, — зачем-то озвучил он очевидное.

— До свидания, Елисей, — степенно отозвалась она. — В следующий раз жду вас подготовленным. И без опозданий.

Он козырнул ей, приложив ладонь к светлым волосам, и повернулся к выходу. Она двинулась было отпереть замок, но он нажал на ручку, и дверь просто открылась.

— Забыли закрыть, — укорил он. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь?

Она махнула рукой:

— Что здесь брать?

— Вдруг меня украдут?

Она вздохнула. Это стало бы лучшим выходом.

* * *

Вначале по ушам резанул крик, и только потом он понял: это его собственный голос. Боль пронзила тело так внезапно, что опередила остальные раздражители, первой добравшись до мозга. Казалось, нервные окончания оголены. Это повторялось бесчисленное количество раз, но привыкнуть было невозможно. Он снова и снова давал себе слово молчать, но, похоже, его мучителей это не устраивало. Во рту неизменно оказывался пластик с металлическим привкусом — зубы и язык оставались целыми, он не мог задохнуться, о чем много раз мечтал. Но это мешало стискивать челюсти, и он просто не мог не кричать.

Казалось, от него ждали крика. Те, кто раз за разом проделывал это с ним, знали, когда он доходит до предела и надо остановиться, чтобы не сломать свою игрушку раньше времени. Не оставалось сил кричать, из охрипшего горла вырывались лишь сдавленные стоны, и мучи-

тели на время прекращали, безошибочно считывая сигнал. Именно поэтому они не могли позволить ему не кричать. А у него никак не получалось обмануть, сбить их с толку, скрыть, когда боль становится невыносимой.

Он надеялся отключиться, но за его состоянием внимательно следили и останавливались в тот момент, когда он оказывался на грани потери сознания. Это было особенно мучительно — всегда оставаться в одном шаге от спасительного беспометства, в которое так хотелось провалиться. Один раз почти получилось: перед плотно сомкнутыми веками замелькали радужные круги, постепенно стали черными и слились в бездонную пропасть, в которую его засасывало с пугающей быстротой. Но ему не дали ускользнуть — тело сотряс очередной разряд, и укол остался почти незамеченным. Он почувствовал только, как вливается в кровь адреналин, заставляя позвоночник выгибаться дугой, а пальцы — конвульсивно сжиматься.

Он мечтал расцарапать ладони, но был лишен даже такой малости — его ногти всегда коротко стригли, не разрешая делать это самому. Он почти привык, что собственное тело ему не принадлежит, но манипуляции с ножницами почему-то казались особенно унижительными. Ему не могли позволить даже минимально навредить себе — такое право существовало только у других.

Конечно, ему не давали в руки никаких острых предметов в те недолгие часы, когда он оставался один. Даже тогда он не был предоставлен самому себе — мигающий красный глазок камеры не позволял расслабиться и забытья хоть на минуту. Он давно перестал стесняться — привык постоянно находиться на виду даже в те мгновения, которые все нормальные люди предпочитают проводить в одиночестве. Все дело в том, что он не был ни нормальным, ни в полной мере человеком...

Глава 2

УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Он опять опаздывал. Да сколько можно это терпеть? Надо позвонить его родителям и... Что? Пожаловаться: «Ваш сын не приходит вовремя на занятия?» Сама же и виновата останется. Услышит в ответ: «Что вы за репетитор такой, если ребенок к вам не торопится?» Она знала подобный типаж — чаще мамочек, но и папеньки порой попадались похуже самой заботливой нянечки. И плевать, что ребенок выше ее ростом, говорит басом и несет от него, как от хоккеиста после тренировки. Она однажды ходила на каток и знала не понаслышке: после спортсменов хоть вовсе не заходи в раздевалку...

Впрочем, нет, все это неправда. Голос у Елисея не грубый, а вполне приятный, даже трогательный, особенно когда он неуверенно запинается, выговаривая особенно сложные английские слова. И не пахнет от него ничем, вернее, ничем противным, а запах лосьона или туал-

летней воды она и не пыталась уловить. Ростом он выше ее, правда, но это неудивительно — она ведь далеко не манекенщица. Сама скорее похожа на подростка — такая же худая. А уж если наденет джинсы и футболку, может смело идти вместе с учениками на спортивную площадку сидеть на спинке скамейки, слушать рэп через колонки и считать вместе с другими девчонками, сколько раз парни подтянутся на турнике.

Казалось бы, живи да радуйся, а ее расстраивал собственный несолидный вид. Ученики не слушаются и вообще в грош не ставят! Может, поэтому и из школы пришлось уйти. Случилась там одна нехорошая история, которая поставила крест на ее учительской карьере...

Вот зачем об этом вспоминать? Она давно успокоилась, скандал улегся, все осталось в прошлом, забыто и похоронено. Она чувствовала себя не в пример лучше: не надо рано вставать и куда-то тащиться к восьми утра, заполнять бесконечные учебные планы и электронные журналы, получать звонки и сообщения от родителей, не отличающих рабочее время от личного, а будние дни — от выходных. Сейчас, конечно, подобное тоже бывает, но гораздо реже. Родители считают: раз они оплачивают дитятке дополнительные занятия, то уже сделали для него больше других, и перекладывают всю ответственность на репетитора. С него потом и спрашивают, если вдруг что-то пошло не так...

Впрочем, проблемные ученики и их предки встречались сравнительно редко, в рамках статистической погрешности. Только этот Елисей беспокоил все сильнее и сильнее. Где его опять носит? Что-нибудь случится, а обвинят ее — проходили, знаем...

Она уже полезла в папку, в которой хранились данные всех учеников, когда наконец раздался звонок. Облегченно выдохнув, она закрыла файл и поспешила к двери. На кнопку домофона нажала, даже не спросив, кто там, и запоздало испугалась: может, это вовсе не Елисей, а распространитель листовок, продавец картошки или свидетель какой-нибудь секты?

Она прижалась ухом к двери и начала отпирать замок, только когда в тамбуре протопали знакомые шаги. С этим учеником она скоро станет настоящим параноиком.

— Здрасьте, Елена Сергеевна, — выдал он, вваливаясь в квартиру.

Елисей тяжело дышал, и она вскинула брови:

— Вы кросс сдавали?

Он покачал головой:

— Не, по лестнице пешком поднимался. Лифта долго было ждать, а я хотел поскорее вас увидеть.

— Так, может, ошиблись, вам к Елене Сергеевне надо? Она с вами чем занимается? По каким еще предметам отстаете?

— Ни по каким. Это мы кино недавно на общественном смотре — «Дорогая Елена

Сергеевна». Такая жесть! Там, короче, училка одна...

— Я знаю, — перебила она. — Тоже кино ви-дела.

— А, ну тогда вы в теме, — обрадовался Елисей. — Так вот эта училка мне вас сразу напомнила.

— Спасибо, — усмехнулась она. — Поэтому вы сегодня опоздали больше обычного?

Он смешно нахмурил лоб:

— Я опоздал еще больше? Ну сорри, Евгения Станиславовна! Клянусь, успеем! Все выучил, что вы задавали!

— Согласование времен в условных предложениях? — удивилась она.

Елисей посмотрел на нее очень честными глазами:

— Разве не неправильные глаголы?

Она вздохнула:

— Ладно, раздевайтесь и проходите.

Не дожидаясь его, она проследовала в комнату и уселась на свое место за столом. Там ей стало немного спокойнее, как в домике, но ненадолго: пока он не вошел и не плюхнулся напротив, с размаху бухнув на стол рюкзак. У него сегодня какая-то другая, более обтягивающая футболка, или она раньше не обращала внимания на идеально подкачанные руки с рельефными мышцами? Наверное, он спортсмен, если имеет такие впечатляющие бицепсы... Только бы не хоккеист.

Совсем она одичала, раз на подростков начала засматриваться. Хорошо, что сама на уроки всегда одевалась строго, чопорно и даже старомодно. Никаких футболок, джинсов и легкомысленных платьев! Только закрытые блузки и водолазки, прямые юбки по щиколотку — между прочим, модной в этом сезоне длины миди — или брюки классического фасона. Фривольно распущенные по плечам волосы — ни в коем случае, только пучок на затылке. Очки бы еще не помешали для солидности, но со зрением у нее все в порядке. Она боялась, что со стеклами без диоптрий будет выглядеть не серьезно, а попросту глупо.

Похоже, она задумалась и так откровенно пялилась на него, что Елисей забеспокоился:

— Екатерина Симоновна, что случилось? У меня пятно где-то?

— Нет-нет. — Она словно очнулась и с преувеличенным вниманием уставилась в учебник. — Не будем терять время. Переведите на английский следующее предложение: «Я не нашел бы вас, если бы не искал так долго».

Он заинтересованно взглянул на нее:

— Могу по-русски повторить.

— Не надо по-русски! — вспыхнула она. — Мы с вами другим языком занимаемся. И вы сказали, что выполнили домашнее задание. Там это предложение было.

— Но Е...

Он запнулся, и она взглянула на него с интересом: как будет выкручиваться? Кажется, распространенные женские имена на «Е» закончились, а он никогда не повторялся. Но она недооценила его, а также полет фантазии современных родителей.

— Есения Семеновна! — заныл он. — Я неправильные глаголы учил! Вы же их задавали...

Она с трудом подавила желание назвать его Елизаром или Евсеем. Нет, не стоит опускаться на тот же уровень.

— Елисей, вы срываете второе занятие подряд. Если это повторится еще раз, я буду вынуждена сообщить вашим родителям.

Он так неприкрыто испугался, что ей стало его жалко. Неужели настолько боится своих предков? Или как у них сейчас принято старшее поколение называть — олды? Интересно, она у него по той же категории проходит?

— Вы же этого не сделаете?

— Обязательно сделаю, если это не прекратится. Они большие деньги платят, а вы...

— Реально большие? — удивился он и показательно огляделся. — Да что-то непохоже...

Она разозлилась по-настоящему:

— Не стоит считать чужие деньги. Я привыкла их зарабатывать, а не получать просто так. И если мне платят за то, чтобы вы выучили английский, я заставлю вас это сделать!

— Даже против моего желания? — Он ухмыльнулся и уставился ей в лицо наглыми глазами.

Она устало вздохнула и отвела взгляд. Не собиралась с ним препираться, а все равно втянулась в дурацкий спор. Как это у него получается?

— У вас нет желания сдать ЕГЭ?

— Сдам как-нибудь, — отмахнулся Елисей.

— Поступить в хороший вуз?

— Не горю желанием.

— А каким желанием горите? В армию пойти?

— Да хоть бы и в армию, — сквозь зубы пробурчал он. — Только бы подальше от них...

Она поняла, что разговор принял опасный оборот и продолжать его не стоит, поэтому поспешила свернуть тему.

— Давайте все-таки разберем условные предложения, — миролюбиво предложила она. — Это не так сложно, как кажется. Начнем с самого простого. Открывайте учебник на странице восемьдесят шесть. При образовании условных предложений требуется согласование времен: если в главном предложении употребляется настоящее, то в придаточном нужно использовать...

— Анна Аркадьевна, — вдруг позвал Елисей.

Она подняла глаза от учебника и удивленно взглянула на него: обычно он никогда не менял

репертуар во время занятия. Совсем истощилась фантазия? Почему она вообще позволяет ему коверкать собственное имя и называть ее как угодно, только не по-нормальному? Сама виновата — сначала промолчала, сочтя милой шуткой, а потом уже стало поздно. Постепенно втянулась в эту игру, стало интересно: что он придумает в следующий раз и как объяснит. Но сейчас она догадалась без дополнительных подсказок.

— Вижу, с Чернышевским вы закончили и к Льву Толстому перешли. Анну Каренину я вам тоже напоминаю?

— Немного, — нехотя признал он. — А вы знали, кстати, что во время действия романа Анне было двадцать шесть лет?

— Знала, — отозвалась она. — На мое образование государство не зря деньги потратило. А вот на ваше...

— За меня же родители платят, — напомнил Елисей.

— И за школу?

— Ну да.

— Вы в частной учитесь?

Она слегка удивилась. Зачем тогда ему понадобился репетитор?

— Чтобы имидж не портить, — усмехнулся он, когда она задала свой вопрос вслух. — В моей семье очень об этом заботятся.

— Что же мы тогда болтаем, — спохватилась она. — Давайте заниматься!

— А можно перерыв?

Это было что-то новенькое. Раньше он ни разу не заикался ни о каких перерывах.

— Мы же только начали, — возмутилась она. — Даже настоящее время еще не разобрали...

Елисей взглянул на нее жалобными глазами:

— Я такой голодный, просто ужас. В школе пообедать не успел, нас там задержали на классном часе. А дома еще не был, сразу к вам побежал... Может, нальете чаю?

* * *

Он не был ни нормальным, ни в полной мере человеком, но это не значило, что ему чужды простые проявления физиологии. И если с естественными потребностями организма он давно научился управляться без стеснения, даже не чувствуя привычного унижения, то с другими желаниями все было сложнее. Те, кого он любил и кто любил его, остались даже не в прошлом, а где-то там, за границей обычной жизни, по ту сторону воспоминаний, которые не стерлись полностью, но и не беспокоили, словно принадлежали другому человеку.

Тело выдавало его, порой реагируя на раздражители самым неожиданным образом. Это не удивляло тех, кто работал с ним, просто становилось еще одним объектом для исследования. И с этим он не мог смириться, как ни старался. Внешне оставался бесстрастным — насколько ему позволяли, конечно, — но

в душе, в тех ее ошметках, где еще теплились обычные человеческие эмоции, пробуждалось нечто темное, необузданное, неведомое до конца ему самому.

Он не желал разрядки — ему доставляло болезненное удовольствие чувствовать себя живым и хотя бы в этом неподвластным своим мучителям. Напряжение и дрожь создавали иллюзию реальной жизни, неполную и жалкую, но это являлось частью его естества и шло изнутри, а не было навязано извне. Но, конечно, ему не позволяли оставаться с этим ощущением наедине. Вмешивались осторожными, но равнодушными движениями, касались его руками, затянутыми в перчатки, засекали время и потом записывали результаты, занося в файлы наравне с другими показателями.

Остальные в это время наблюдали за его лицом, даже фиксировали на камеру. Он старался держаться, но не мог поручиться, что ничем не выдает себя. Хотел и боялся посмотреть эти записи, но кто бы ему позволил?

Когда он оставался в иллюзии одиночества, это тоже иногда случалось. Тогда все могло бы разрешиться иначе, но ему не позволяли дотрагиваться до себя. Следовал не сильный удар током — не такой, как обычно, но вполне достаточный, чтобы отбить любые желания. В запястье толкался раз-

ряд, браслет начинал пульсировать — почти неощутимо, но это сводило с ума куда сильнее, чем волны, одна за другой прошивающие тело.

Чувствительность сразу пропадала — импульс надежно блокировал возбуждение. Медленно возвращался контроль, а вместе с ним безнадежность. Ему никогда не выбраться отсюда...

Глава 3

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Она растерялась. Ни разу ей не приходилось пить чай ни с учениками, ни с их родителями. Всегда придерживалась строго деловых и рабочих отношений, никому не позволяя нарушать дистанцию. Но этот парень легко ломал тщательно установленные границы и запросто вторгался в ее личное пространство. Любого другого она давно поставила бы на место, а сейчас почему-то послушно встала.

— Пойдемте на кухню.

Вести туда Елисея нестрашно — у нее везде идеальный порядок. Она тщательно готовилась к приходу учеников на случай, если им вздумается посетить удобства или попить водички. Уроки проходили почти каждый день, не расслабишься. На уборку уходило много времени, зато всегда все блестело.

Она включила чайник и повернулась к Елисею, удобно развалившемуся на кухонном диванчике. Длинные ноги в целых и чистых но-

сках торчали из-под стола. Ей приходилось перешагивать через них, но он и не пытался подобрать конечности.

— Может, чего-нибудь посущественнее чая? — нерешительно предложила она, заметив, что он взял из стоявшей на столе вазочки яблоко, покрутил в руках и положил обратно.

— А что у вас есть? — бесцеремонно поинтересовался Елисей.

Она немедленно рассердилась. Ему меню огласить, как в ресторане?

Он тоже понял, что переборщил, и торопливо проговорил:

— Можно какой-нибудь бутербродик? А то я, когда голодный, совсем ничего не соображаю. Вообще не усваиваются эти ваши времена!

Она хотела парировать, что времена такие же ваши, как и наши, но удержалась от банальности. Вместо этого послушно развернула пакет с хлебом и полезла в холодильник за сыром. Елисей так внимательно следил за ее вполне обыденными действиями, что она занервничала и наконец не выдержала:

— Посмотрите пока хотя бы учебник. Время-то идет.

— Ну Алла Александровна! — немедленно заныл он. — Говорю же: у меня на голодный желудок знания не усваиваются. Все равно потом повторять придется.

— Вот и хорошо. Лучше запомнится.

— Или вы следующего ученика ждете? — спохватился Елисей, выпрямился, втянул ноги под стол и полез в карман за телефоном, чтобы взглянуть на время. — Во сколько?

— На сегодня у меня больше уроков не назначено, — ровно проговорила она, сама себе удивляясь.

Чего стоило соврать? Возможно, тогда удалось бы избежать безумного чаепития. Но его это не успокоило:

— Все равно. Почему вы должны тратить на меня свое свободное время? Мои родители его не оплачивают.

— Может, еще и за чай расплатитесь? — усмехнулась она.

Елисей приосанился:

— А что, я могу.

И, прежде чем она успела оценить сомнительное предложение, продолжил:

— Вам полочку не надо повесить? Ну или там гвоздь забить...

Она взглянула на него с недоверием:

— А вы все это умеете?

— Не знаю, пока не пробовал. Но стоит рискнуть.

Он над ней издевается, а она слушает и терпит. Хорошо, что можно сделать вид, будто невероятно увлечена приготовлением чая, и промолчать. Наконец она поставила перед ним дымящуюся чашку и тарелку с бутербродами.

Он поднял глаза.

— А вы разве не будете?

Она покачала головой:

— Я в отличие от вас пообедала вовремя.

— А за компанию?

Достав из шкафа еще одну чашку, она устроилась на диванчике подальше от Елисея. Жаль, что у нее на кухне не водится табуреток — нет необходимости, никогда не бывает так много гостей — и сесть напротив, как она привыкла, не получится. Не тащить же ради этого стул из комнаты. Да он здесь и не поместится...

Елисей, кажется, что-то понял, воздержался от комментариев и молча принялся за еду. Она украдкой поглядывала на него. Психологи говорят: хочешь лучше узнать человека — посмотри, как он ест и считает деньги. Оплату за уроки переводили на карточку, поэтому наличных она в его руках не видела, а что касается еды...

Психологи, как обычно, сказали полную ерунду. Если ест просто и аккуратно, не давится и не чавкает, значит, хороший человек? Может, то, как готовят еду, тоже что-то значит, и это он, наоборот, ее изучает? Но она же не борщ при нем варила. Какие выводы сделаешь из бутербродов?

— Спасибо, — наконец сказал Елисей, комкая в руках салфетку. — Буквально спасли от голодной смерти.

— На здоровье, — машинально отозвалась она, наблюдая за его пальцами.

Интересно, каким видом спорта он занимается? Явно не шахматами. Впрочем, нет, ей это совершенно неинтересно.

— Анастасия Андреевна...

Она знала, что у нее в квартире все очень компактно, но только сейчас осознала, какой маленький кухонный диванчик. Елисею хватило всего одного неумовимого движения, чтобы оказаться к ней практически вплотную. Отодвинуться некуда, а встать будет слишком демонстративно. Ну и что — разве она боится его обидеть? Он-то вовсе не стесняется обращаться к ней, используя самые нелепые сочетания имен и отчеств...

Он накрыл ее кисть своей огромной ручищей. Странно: ладонь крупная, а пальцы тонкие и изящные.

— Давно хотел вам сказать...

Она все-таки вскочила. Неужели этот кошмар повторяется? Но почему именно с ним?

— Не стоит, — отрезала она.

— Почему? — удивился он. — Вы даже не знаете, что...

Она невесело усмехнулась.

— Прекрасно знаю.

— Ну и что же?

— Давайте вы первый.

Опять захотелось назвать его по фамилии, но она так и не успела ее найти. А ведь почти открыла файл, когда собиралась звонить родителям...

Мысль о родителях парня мгновенно отрезвила ее. Надо заканчивать этот балаган. Прервать урок, который толком не начался, выставить его и отказаться от дальнейшей работы. Сколько у них там предоплачено? Она готова вернуть деньги, лишь бы больше никогда его не видеть.

Она внимательно наблюдала за ним, стоя у плиты. Как ни старался казаться наглым, а засмущался. Несмотря на все бахвальство, опыта явно маловато.

— Вы мне нравитесь очень, — наконец отважился Елисей.

Она мысленно похвалила его за смелость. Уставился в стол, но все-таки решился сказать.

Она пожала плечами:

— И вы мне нравитесь.

Он с надеждой вскинул глаза, и она поспешила пояснить:

— Как ученик. Вы милый и забавный, не без способностей, хоть и ленитесь. С вами приятно заниматься, но не более того.

— Вы мне тоже... То есть вы мне нравитесь не только как учительница.

— А как кто?

Может, если назвать вещи своими именами, будет проще выпутаться из этой бредовой ситуации.

— Как девушка.

Она хмыкнула. Сама ощущала себя даже не девушкой, а девчонкой-школьницей, такой же, как они все, просто умело маскировалась под

взрослую. Но ему об этом знать вовсе не обязательно.

— Тебе сколько лет? — спросила она и едва не прикусила язык.

Давала же себе обещание всегда обращаться к ученикам только на «вы»! Кажется, ему удалось вывести ее из себя, и отлаженная программа дала сбой. Оставалась слабая надежда, что Елисей ничего не заметил, но он с таким ожиданием поднял на нее глаза, что сразу стало ясно: нет, не прокатило.

— Восемнадцать, — ответил он после паузы.

Она покачала головой:

— И все еще в школе учишься? В каком классе?

— В одиннадцатом, — послушно отозвался он. — Просто у меня день рождения в январе...

— Врешь, — пригвоздила она. — Забыл, что я видела твои документы?

— Зачем вам понадобились мои документы? — удивился он.

— Всегда прошу их показать перед тем, как заключить договор. Обычная предусмотрительность. Мало ли, что может случиться...

Что может случиться и как от этого уберегут документы, она и сама толком не знала, но Елисей не стал уточнять.

— И когда у меня день рождения?

— Не в январе, — отрезала она.

Странно: на дату рождения обратила внимание, а на фамилию — нет. Первое было важнее:

она старалась сразу выяснить, кто совершеннолетний, и точно знала — сейчас взрослых учеников у нее нет.

— Ладно, семнадцать, — неохотно признал он и после паузы добавил: — С половиной.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказала она, хотя он пока еще ни о чем не спрашивал. — Ты же несовершеннолетний.

— И что?

— Хочешь, чтобы меня посадили?

— За что?

— За совращение малолетних.

— Причина только в этом? — ухмыльнулся он. — Зайти через полгода?

Черт! Она и не думала, что ее ответ прозвучит так двусмысленно. Елисей тем временем вылез из-за стола и шагнул к ней, оказавшись практически вплотную. И почему у нее на кухне так тесно?

— Вы никого не совращали, — проговорил он ей на ухо интимным шепотом. — Наоборот, я сам. Скорее, вы меня сможете посадить...

— За что? — удивилась она.

— За это, — он положил руки ей на плечи, прижал к себе и наклонился к лицу.

* * *

Нестерпимо болела голова. Он был готов отключиться, но не мог позволить себе долгожданное забытие. Он разучился спать самостоятельно, существуя как машина, которую включают и выключают в нужное время. Когда исследователи понимали, что его физические возможности на пределе, ему вводили очередной препарат, и он вырубался. Это даже нельзя было назвать сном — просто небытие, на определенное время останавливающее работу мозга, дающее отдых сведенным судорогой мышцам и вывернутым суставам.

Через несколько часов он не просыпался, а приходил в себя, жалея, что так мало времени провел без сознания. Он откуда-то знал, что нормальным людям положено видеть сны, и после пробуждения искал их малейшие следы, но измученный мозг отказывался выдавать хоть что-то отличное от его нынешнего существования.

Однако он точно знал — его не создали в этой лаборатории. У него была совсем другая жизнь, может быть, не очень благополучная и счастливая, зато своя. Но воспоминания о ней были надежно заблокированы, и он не мог поручиться, что не сделал это сам. Иначе давно бы уже прекратил тягостное существование, состоявшее из приступов боли и перерывов между ними.

— Как вы себя чувствуете?

Он с трудом поднял голову. Никто и никогда не интересовался его самочувствием. Ему не задавали вопросов, с ним вообще не общались, воспринимая как биологическую машину, определенным образом реагирующую на раздражители. Тем удивительнее был этот вопрос, раздавшийся от двери. Там стояла девушка. Как и все, кто с ним работал, она была в медицинском костюме, перчатках, шапочке и маске, выделялись только глаза, смотревшие на него с любопытством и сочувствием. Впрочем, последнее могло ему просто почудиться.

— Голова болит. — Он с трудом вытолкнул из горла слова, мимолетно удивившись, какой хриплый у него голос.

Он так давно не слышал ничего, кроме собственного крика, что забыл, как он звучит.

Девушка осторожно приблизилась. Он ждал очередной инъекции, стараясь не смотреть на свои исколотые вены, но жгута и шприца у нее не оказалось, она просто положила ему на лоб

прохладную ладонь. Он прикрыл глаза, сосредоточившись на своих ощущениях, чувствуя, как пульсирующая в висках боль постепенно начинает уходить.

— Так лучше? — спросила она.

Он кивнул, не решаясь отвечать. То, что происходило сейчас, было ново и непривычно, и он поневоле насторожился. Сменили тактику, значит, хотят добиться другого результата. Но какого, если его и так уже изучили во всех подробностях, лишив контроля не только над собственным телом, но и над сознанием?

Кажется, пришел черед эмоций. Классический прием, когда после злого полицейского приходит добрый. Сегодня на роль доброго назначили ее, стоит воспринимать это именно так и постараться скрыть как можно больше. Реакцию на боль замаскировать нереально, но в эмоциональной сфере сделать это будет гораздо проще. Просто не стоит реагировать на притворную ласку и внимание, вступать в разговоры и поддаваться на другие провокации.

Он был готов ко всему, но не к тому, что последовало потом...

Глава 4

МЕСТОИМЕНИЕ ПЕРВОГО ЛИЦА

Она словно окаменела. Почему же не сопротивляется, ведь сейчас он ее поцелует, и пути назад не будет...

— Прекратите немедленно. — Она почему-то снова перешла на «вы» и не глядя пошарила по столу, ища свою чашку с чаем, к которому едва притронулась.

Интересно, он уже достаточно остыл, чтобы ожоги остались не слишком сильные?

К счастью, Елисей понял, что это не просто для вида, сразу отпустил ее и отвернулся.

— Извините, — пробормотал он. — Не знаю, что на меня нашло.

— Зато я знаю, — строгим учительским голосом проговорила она, уже полностью взяв себя в руки. — Учиться надо, а не думать о всякой ерунде. И влюбляться в своих ровесниц.

— А сколько вам лет?

— Больше, чем Анне Аркадьевне.

Елисей нервно усмехнулся:

— Ну и что, подумаешь! Для меня это ничего не значит.

Если сейчас скажет, что она выглядит гораздо младше, то она треснет его чем-нибудь по башке. К счастью, парень удержался от очередной банальности, видимо, уловив ее настроение.

— Зато для меня значит, — отрезала она.

— А вы знаете, что существует такое понятие, как возраст сексуального согласия? — вдруг вкрадчиво поинтересовался Елисей. — В нашей стране это шестнадцать лет.

Она мрачно усмехнулась. Еще бы не знать! Предпочла бы, конечно, никогда не слышать, да пришлось ознакомиться во всех деталях.

— И что это меняет?

— С тем, кому исполнилось шестнадцать, можно заниматься сексом, с точки зрения закона никаких проблем. Странно, да? — Он безмятежно улыбнулся. — А фильмы для взрослых имеют ограничение по возрасту — восемнадцать плюс. То есть заниматься можно, а смотреть нельзя.

Он замялась. Что происходит, почему она обсуждает со своим учеником возраст сексуального согласия и рейтинг порнофильмов?

— Это если по взаимному согласию.

— А у нас его нет?

Она опешила от такой наглости и даже не сразу нашла, что ответить.

— Сами как считаете?

Елисей замылся, и она порадовалась про себя — парень не такой уж непробиваемый, каким хочет казаться. Она решила закрепить результат:

— Притом всегда можно приплести насильственные действия. И тогда точно посадят независимо от того, исполнилось шестнадцать или нет... За несовершеннолетнего еще и больше дадут.

— Зачем мне это нужно? — возмутился он.

— Вам незачем, а вот вашим родителям...

— Да им на меня плевать. — Его глаза хитро блеснули: — Притом это если узнают...

Она устало вздохнула:

— Все, Елисей. На сегодня занятие окончено. Домашнее задание остается прежнее. Можете идти.

Думала, он начет спорить и возражать, но ученик послушно потопал в прихожую. Она не пошла следом, предпочитая из кухни слушать, как он там возится.

— Алевтина Алексеевна, я ухожу, — наконец неуверенно объявил он. — Дверь закроете?

Она невольно усмехнулась, услышав новое имя. Значит, уже полностью пришел в себя. У подростков гибкая психика, чего не скажешь о ней самой.

— Просто захлопните, — отозвалась она.

— Лучше закройте, — не отставал он. — А то вдруг украдут.

Она хмыкнула. Если бы еще она была кому-то нужна! В смысле, по-настоящему, а не пару раз перепихнуться под предлогом уроков английского.

Только когда стихли шаги и гул лифта, она решилась приблизиться к двери и запереть ее, но все равно не почувствовала себя в безопасности. Какое счастье, что на сегодня больше не назначено уроков! Вести их она была не в состоянии. Пришлось бы отменять, а это потеря денег, репутации, с таким трудом заслуженной, и неминуемое понижение рейтинга на сайте репетиторов.

Елисей ошибался: она вовсе не похожа на Анну Аркадьевну. Каренина к двадцати восьми — действие романа растянулось на два года — успела выйти замуж, родить ребенка, завести любовника, сбежать к нему от мужа и броситься под поезд, а чего добилась она? Решительно отказалась от романа с учеником? Ничего не скажешь, вот это достижение!

Ее с трудом обустроенный мирок рушился на глазах, а она лишь бессильно наблюдала за этим. Стоило забираться так далеко, обрывать все контакты с прошлым, чтобы здесь началось то же самое! Недаром говорится: куда бы ты ни поехал, все равно берешь с собой себя. А от себя далеко не убежишь. Можно долго обманываться, но рано или поздно на свет выберется то альтер эго, которое словно создано

для того, чтобы все ломать и портить. А тебе остается лишь бессильно наблюдать, ведь ты не в состоянии ничего изменить. Против себя не пойдешь...

Значит, причина в ней самой. Чем-то она привлекает этих нахальных подростков. Они чувствуют жертву. Те, что потрусливее, мечтают о ней по ночам, представляя в своих юношеских эротических фантазиях. А те немногие, кто отваживается на решительные действия, не тушуются — просто лезут к ней своим лапами, явно считая: если мама с папой заплатили за уроки, она вполне может оказать и еще кое-какие услуги...

Жаль, что Елисей оказался из числа последних. Она сказала правду: он ей нравился. Конечно, не как парень, а как ученик, всегда аккуратный и приятный в общении. Она чувствовала между ними даже некое подобие дружбы, маленький заговор — паролем и отзывом стали все эти странные и чудные имена, которыми он ее награждал, а она не возражала.

Но теперь все закончилось. После того, что случилось, продолжать занятия, как ни в чем не бывало, не выйдет. Елисей затаится на время, но рано или поздно все равно снова полезет к ней. Этот еще и подковался: теоретическую часть освоил. Изучил, так сказать, историю вопроса... И что нам это дает?

Она ничем не выдала себя, не показала слабинку, но он наверняка уловил ее на подсозна-

тельном уровне. И в следующий раз все может закончиться далеко не так благополучно... Как именно, не хотелось даже представлять.

Но отказаться от занятий сразу слишком подозрительно. Надо выждать, а потом, когда закончатся оплаченные уроки, просто не продлить договор. Да, так будет лучше всего. Скажет, что причина в ней самой — например, она уезжает. Но все обязательства выполнила, так что никаких претензий.

Тогда они расстанутся, и все закончится. Возможно, ей действительно придется уехать. Жаль, конечно: много сил и времени потрачено на то, чтобы начать жизнь с нуля и наладить сносное существование. Но ничего, ей не впервой. Справилась один раз, получится и еще. Обязательно, ведь она сильная...

Кажется, самовнушение не работает. Какая же она сильная? Такая же растерянная, напуганная девчонка, какой была тогда... И пусть прошло почти десять лет, ничего не изменилось.

Десять лет, подумать только! Елисею тогда было семь, мальчик только в школу пошел, когда она... Зато сейчас вон какой вымахал. Впрочем, хватит о нем. Надо выбросить его из головы и забыть, как страшный сон.

Жаль, что она больше ничего не умеет, кроме преподавания. Казалось бы, знаешь язык — перед тобой открыты все дороги. Хочешь, письменными переводами занимайся,

хочешь — устными. Можно вообще за границу уехать, там без языкового барьера гораздо легче устроиться... Только жизнь в другой стране пугала ее до чертиков. Дома и стены помогают, а там, где все вокруг чуждое и враждебное?

С переводами тоже не сложилось. Пробовала заняться художественной литературой — не вышло. С точки зрения языка проблем не возникало, но ей, наверное, не хватало таланта. Переводчик должен быть своего рода писателем — читатели видят именно его текст, знает, он фактически становится соавтором.

Она и старалась передать все до мельчайших подробностей. Из-за этого тексты получались деревянными и ученическими, в них не было страсти и огня, даже добавленных от себя. Заказчики отмечали ее старание и точность соответствия оригиналу, благодарили, расплачивались, но больше не обращались.

От технических переводов она отказалась сама. Они оказались настолько скучны и утомительны, что этого не могли перекрыть никакие деньги — не такие уж и большие, к слову. К тому же каждый раз приходилось разбирать узкоспециализированную лексику, а снова чувствовать себя ученицей ей совершенно не нравилось — это казалось унижительным.

Вот и выяснилось, что ни к чему она не приспособлена, кроме преподавания. Не то чтобы у нее проявлялся в этой области особенный талант — такая же, как многие. И так же, как

у многих, у нее получалось: не плохо и не хорошо, средне. Или ей просто казалось? Раз со школой не сложилось, осталось одно — частные уроки. Недостатка в учениках она никогда не испытывала, английский требовался многим.

Конкуренция, конечно, была серьезная, но о ней оставляли положительные отзывы, обеспечивая высокий рейтинг на сайте поиска репетиторов. Молодая симпатичная учительница многим нравилась, а с приятным преподавателем и учеба продвигается живее. Со временем количество перешло в качество — постепенно она поняла несколько принципов, которые позволяли вдалбливать знания в юные головы гораздо эффективнее, и успешно ими пользовалась. К тому же она досконально знала требования к ЕГЭ, и это добавляло очков.

В общем, дела шли нормально, как ей представлялось. Но эта видимость оказалась такой хрупкой, что разрушилась всего от пары неосторожных слов и жестов...

Она сама виновата, что расслабилась. «Нальете чаю!» Сразу надо было заподозрить неладное. Все внутри просто сигналило об опасности, но она проигнорировала голос разума. Легкомысленно решила: что случится, если она подаст парню чашку с горячим напитком?

Неужели трудно было понять, что это только предлог? Преподаватели не пьют чай с учениками во время уроков, а объясняют им со-

гласование времен в условных предложениях. Она допустила промашку, за что и поплатилась. Елисей умело надавил на жалость, и она поддалась. Как же, ребенок голодный! Отродясь не испытывала материнского инстинкта — считала, что природа им обделила, и несколько не расстраивалась по этому поводу, а тут вылез откуда-то в самый неподходящий момент.

Или родительские инстинкты ни при чем? Будем честны — разве она не догадалась, к чему все идет? За время работы с подростками научилась отлично их чувствовать и понимать. Без этого в ее деле никуда: надо уметь предсказывать, что они могут выкинуть в следующую минуту. Когда бушуют гормоны, голова часто отключается...

Поняла — и все равно допустила то, что случилось. Опять демон саморазрушения прорезался, едва она успокоилась и немного расслабилась от того, что все в ее жизни шло неплохо. Станет ей еще одним уроком: никогда нельзя расслабляться. А уж привязываться к ученикам, испытывать к ним хотя бы малейшую симпатию — вообще табу. Этого нельзя себе позволять ни при каких обстоятельствах. Они для нее, как станки для рабочих на заводе. Как приборы для ученых. Как растения для фермеров. Нет, не то...

Как пациенты для врачей, вот самое точное определение. Те тоже ни к кому не привязыва-

ются, чтобы не произошло профессионального выгорания. Для них больные — просто объекты для работы. Жаль, что у нее так не получается...

Характера и выдержки не хватает. Да и откуда им взяться — после всего, что случилось? Других трудности закаляют, а ее, наоборот, сломали. Какое-то время сохранялась легкая завеса благополучия, но слетела при первом же неосторожном движении...

Она усилием воли заставила себя отлепиться от дверного косяка, но почему-то направилась не в комнату, а на кухню. Увидела чашки с недопитым чаем, остатки бутербродов на тарелке, и ее снова накрыло. Елисей, что же ты наделал?

* * *

Девушка начала с шапочки. Избавившись от нее, она потрянула головой, рассыпав волосы по плечам. Сняла маску, открыв симпатичное, но ничем не примечательное лицо. И следом взялась за пуговицы на белом халате.

Он наблюдал со все возрастающим изумлением. Какой реакции от него ждут на этот раз? Он перевел взгляд в угол — красный огонек никогда не засыпающей камеры погас. За ним больше никто не следит? Кроме нее, конечно. А девушка тем временем скинула халатик и улеглась рядом с ним.

Он настолько привык к латексу, что прикосновение живого горячего тела буквально обожгло. Естественная реакция не заставила себя ждать, и это неожиданно смутило. Такое трудно контролировать, как ни старайся.

Девушка тем временем провела пальцами по его щеке, скользнула к шее и переместилась дальше. Чем ниже она спускалась, тем силь-